

«Я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение “стили”: стиль мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, относительно априорными по отношению к данному периоду. Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени».

Макс Борн¹

Когда мы задумываемся о том, как можно выразить специфику личности, то ищем ключевые слова — символы, знаки ее культурно-исторического выражения. Ключевые слова стиля мышления² Владимира Петровича Зинченко, характеризующие его движение во времени, — «свобода» и «история». Они проявляются во всех сферах его жизненного мира: и в динамизме его интеллектуального поиска, и в его научном интересе к произвольным действиям, «викарным движениям», и в стилистике его текстов, и в его иронии и самоиронии (язвительной принципиальности и добром подтрунивании), и даже в его улыбке. Эта свобода внутренняя, органично ему присущая, без напря-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 10-03-00077-а.

¹ Борн М. Состояние идей в физике // Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 227–228.

² Понятие стиля научного мышления содержит в себе, «во-первых, идею внутренней смысловой целостности истории познания, реализующейся в стиле как специфической характеристике языка различных периодов развития науки и, во-вторых, идею поливариантности, предполагающую стилистическое многообразие выражения в научном языке знания об одном и том же фрагменте мира». Эти составляющие — целостность и поливариантность — выгодно отличают понятие «стиля научного мышления» от «парадигмы», «научной программы» или «концепции». Пружинин Б. И. Стиль мышления. См. наст изд. С. Именно в силу этих особенностей, размышляя о научном движении Владимира Петровича Зинченко, я предпочитаю говорить о его стиле мышления.

жения, без натуги. И, что самое главное — эта свобода исторична, она проявляет себя в истории. Владимиру Петровичу «посчастливилось» жить в разные эпохи, исторический вектор его внешней научной жизни порой кардинально менялся, и тем не менее, он никогда не изменял себе, своей внутренней свободе. А это значит, что он умеет откликаться на вызовы времени, быть к нему ответственным (ответным), оставаясь при этом самим собой. История придавала его свободе смысл.

Я думаю, что «свобода» и «история» это ключевые слова не только Владимира Петровича. Они могут служить характеристикой целого поколения людей в науке и философии — шестидесятых годов. Их часто рисуют как невидимых борцов с властью, которые своей деятельностью подтачивали советский строй изнутри. Иногда даже получается, что понятие «шестидесятники» оказывается тождественным понятию «диссиденты». И за этим акцентом «борьбы» с властью, с идеологией часто забывают о положительном содержании их деятельности. Об этом очень точно сказал Б. И. Пружинин, когда характеризовал стиль мышления другого «шестидесятника» Е. П. Никитина. «Суть дела, однако, заключалась в том, — писал он, — что к числу борцов “за общественный прогресс” Е. П. Никитин себя никогда и не причислял. Его волновало совсем другое — то, что сегодня, кстати, очень часто упускается в суждениях о шестидесятниках. Он боролся лишь за право быть самим собой, быть личностью, за право иметь собственное мнение, зачастую очень неудобное для других, и за право свободно выражать это мнение. Борьба вообще за свободу его мало привлекала. Однажды он заметил:

Настолько долго, трудно и сурово
Они боролись за свободу слова,
Что уж когда свободу обрели
Само-то Слово вспомнить не могли»³.

Стиль жизни и мысли поколения шестидесятых заключался отнюдь не в том, чтобы противостоять власти, сколько в том, чтобы сохранять свободу внутреннего движения в тех социальных сферах, где это было возможно. Такой сферой деятельности в 1960-е годы была наука. Именно наука как относительно автономный социальный институт была в тот исторический момент носителем демокра-

³ Мудрагей Н. С., Пружинин Б. И. Lucidus ordo Евгения Никитина // Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М., 2004. С. 6.

тических идеалов социального устройства. В тот момент люди науки были убеждены, что именно их исследовательская деятельность дает обществу свободу от идеологии. Но свободу особого рода. Дело в том, что XX век — это время коренных научных преобразований. Ученые того времени приобретали «непосредственный опыт переживания революционной ломки основных научных представлений <...> и связанных с ними философско-методологических оснований»⁴. А. Койре писал: «Мы, пережившие два или три глубоких кризиса нашего способа мыслить (“кризис оснований” и “утрату абсолютов” в математике, релятивистскую и квантовомеханическую революции), разрушившие старые идеи и сумевшие адаптироваться к новым, мы более способны по сравнению с нашими предшественниками понять кризисы и полемику прошлого. Я считаю, что наша эпоха особенно благоприятствует исследованиям, а равно и обучению такому предмету, который может быть назван историей научной мысли»⁵. Более того, XX век научил ученых *переживать* изменения. Они приобрели опыт положительного отношения к изменяющимся фундаментальным основаниям научного мышления. И их свобода напрямую была связана с возможностью переосмысления собственной историчности. Они понимали, что от их видения и понимания истории науки зависит будущее развитие мысли. Ведь, как писал В. И. Вернадский, «прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и все новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в этом прошлом новые черты и теряет установившиеся было представления о ходе научного развития. <...> Поэтому в истории науки постоянно приходится возвращаться к старым сюжетам, пересматривать историю вопроса, вновь ее строить и переделывать»⁶. Поэтому Владимир Петрович особое внимание уделял именно истории психологии, причем не столько в ее эмпирическом развитии, сколько в движении методологического самосознания психологов. Этому осмыслению научного стиля мышления психологов посвящены его работы последних двадцати лет.

С устремленностью к профессиональной научной деятельности связывалось у поколения шестидесятых годов и понятие настоя-

⁴ Кузнецова Н. И. На подступах к теории физического знания. Иван Васильевич Кузнецов // Судьбы творцов российской науки / Отв. ред. и сост. А. В. Сурин, М. И. Панов. М., 2008. С. 125.

⁵ Койре А. Направление исследований и проекты обучения // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 1. С. 22.

⁶ Вернадский В. И. Кант и естествознание // Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. С. 58.

шей «интеллигентности», смысл которого состоял не в том, чтобы иметь определенную социально-политическую позицию (как оппозицию), но в том, чтобы стремиться к знаниям, дающим настоящую свободу. Этот принцип они усвоили в общении с учеными и философами начала XX века. Как писал Б. Ярхо: «Наука проистекает из потребности в знании и цель ее (основная и первичная) есть удовлетворение этой потребности. <...> Потребностью этой люди одарены в разной мере <...> и этой мерой измеряется степень “интеллигентности”. Человек интеллигентный не есть субъект много знающий, а только обладающий жаждой знания выше средней нормы»⁷. В этом устремлении к знаниям и состоял их опыт настоящей, а не «революционной»⁸ борьбы с идеологической системой, — это философская и научная работа в обстановке «закручивания партийных гаек»⁹. «Я понял, — говорит В. А. Лекторский, — что главное, что я могу сделать в этой ситуации, это писать новую книгу. Так в 1980 году появилась моя книга “Субъект, объект, познание”»¹⁰. «Вспоминаю, — пишет В. С. Степин, — что после партсобраний и парткомиссий, на которых приходилось выслушивать обличительные речи, я шел в библиотеку. <...> И как-то мир обретал порядок, мне начинало казаться, что все, происходящее за стенами библиотеки, — это какая-то ненужная и глупая мелочь по сравнению с тем, чем я сейчас занимаюсь»¹¹.

Особое место среди наук шестидесятых годов занимала психология, в которой всю жизнь работает Владимир Петрович. Как и другие научные области, имевшие прямое отношение к человеческому сознанию, она долго третировалась партийными идеологами. «Социальная ситуация в стране — вспоминает Владимир Петрович — и социальная ситуация развития науки в годы моего обучения, скажу мягко, не способствовала возникновению интереса не только к проблематике сознания, которую почти не погрузившись в нее, исчерпала советская марксистско-ленинская философия, но даже и к

⁷ Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. М., 2006. С. 19.

⁸ Л. Н. Митрохин вспоминает: «Большинство из нас никаких “подрывных” надежд не лелеяло и уж тем более не подвергало сомнению историческую обоснованность коммунистического идеала». О прошлом и настоящем. Беседа Л. Н. Митрохина с В. А. Лекторским // Как это было: воспоминания и размышления / Под ред. В. А. Лекторского. М., 2010. С. 262.

⁹ Там же. С. 254.

¹⁰ Там же.

¹¹ Важно, чтобы работа не прекращалась... Интервью И. Т. Касавина с В. С. Степиным // Как это было: воспоминания и размышления / Под ред. В. А. Лекторского. М., 2010. С. 42.

теоретическим проблемам общей психологии»¹². Ученые-психологи прошли и сквозь прямые репрессии, и сквозь Павловские сессии, и сквозь идеологические монографии типа «Советский человек», однако не потеряли своего настоящего научного лица. Их интерес проявлялся не столько в идеологическом призыве «созидать нового человека», сколько в стремлении раскрыть потенциал человеческих возможностей, показать свободный, творческий характер интеллектуальной деятельности. Это стремление сохранялось на всех этапах научного движения Владимира Петровича: и когда он вместе с Н. Ю. Вергилесом занимался экспериментами по формированию зрительного образа, и когда вместе с Н. Д. Гордеевой строил модель предметного действия, и когда вместе с В. М. Муниповым разрабатывал основы эргономики, и когда он обратился к истории методологического самосознания психологов. Последняя монография Владимира Петровича «Сознание и творческий акт» (М., 2010) — это саморефлективное восхождение к собственной историчности. Действительно, как он сам признается: «Книга такого объема не могла быть написана в один присест. Первые подступы к анализу творческого акта были сделаны мною более 40 лет тому назад. Еще через 20 лет я осмелился вступить на территорию сознания. <...> Многие годы зародившиеся сюжеты не отпускали, но и не захватывали целиком. Сейчас, видимо, пришло время собирать камни»¹³.

* * *

Наша книга — не просто подарок Владимиру Петровичу к юбилею. Он сам в ней участвует и как заслуженный собеседник, и как автор. Его стиль его мышления — свободный и историчный, — задает тематическую целостность этой коллективной монографии, а его идеи присутствуют во всех разделах.

В первом разделе — «Культурно-историческая психология: философские основания» — содержатся философские статьи, напрямую связанные с тематикой Владимира Петровича. В них обсуждаются проблематика внутренней формы слова и стиля мышления, проблема деятельности, сознания и бессознательного, осуществляются контент-анализ понятия «личности» в текстах одного из любимых Владимиром Петровичем философов начала XX века Густава Густавовича Шпета, социально-эпистемологическая интерпретация культурно-исторической психологии, культурно-исторический

¹² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 20.

¹³ Там же. С. 20–21.

анализ религиозного опыта, представлены свободные размышления о поэтике и эвристике.

Во *втором разделе* — «Культурно-исторический подход в психологических исследованиях» — Владимир Петрович Зинченко становится собеседником современных психологов, которые раскрывают продуктивные возможности культурно-исторического подхода к психологическим феноменам, и, конечно, как и положено в юбилейной книге, к личности самого Мастера (так психологи, любя, называют между собой Юбиляра). В данном разделе не только осуществляется историческая реконструкция научного развития Владимира Петровича. Коллеги ищут созвучия его идей со своими исследованиями и пытаются применить его научные подходы к разным формам психологической действительности.

В *третьем разделе* собеседниками Владимира Петровича становятся его учителя и коллеги. В каждом тексте раздела в полном смысле раскрываются ключевые слова его стиля мышления: *свобода и история*. Владимир Петрович «возвращается» к исходной точке интеллектуального пути, осуществляя осмысление своего слова, своих образов, своих действий, своей жизни. Он ведет своеобразный внутренний разговор с философами начала XX века, своими друзьями, коллегами, учениками. Но это прежде всего разговор с самим собой, позволяющий тем самым оценить и переоценить автору свое «слово» в науке, свой более чем шестидесятилетний опыт работы в области психологии.

* * *

Коллектив авторов благодарит студентов 2 курса философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук Павла Александрова и Ирину Щедрину за помощь в подготовительной научно-библиографической работе, а также Российский гуманитарный научный фонд, без финансовой поддержки которого эта книга не была бы подготовлена и не увидела бы свет.

Раздел I.

Культурно-историческая психология: философские основания